

DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.007
УДК 82.09 + 82'04 + 821.161.1"17" +
+ 821.133.1"17" + 398.22(4)

Е. Е. Приказчикова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЕКЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ XVIII в.: МЕЖДУ ГАЛЛОМАНИЕЙ И ГАЛЛОФОБИЕЙ

В статье на примере литературных проекций французской культуры на русскую словесность XVIII столетия рассматривается эволюция галломании как важнейшего феномена русской дворянской культуры. Целью статьи является исследование основных этапов галломании в русской литературе: от А. Кантемира до И. А. Крылова. Анализ данных этапов позволяет проследить, как русская литература через осмеивание различных типов русских галломанов и видов галломанского поведения осуществляла решительный поворот от собственно галломании к галлофобии как почти полному отвержению французской культуры и отказу следовать предписаниям Парижа во всех сферах бытия — от политики до моды.

Основными методами, используемыми в работе, являются методы культурно-исторического, типологического и идейно-образного анализа текстов. Типология образа галломана как «русского француза», получающая различные культурные формы в 1730–1750-е, 1760–1770-е и 1790–1800-е гг., определила различные идейно-образные установки литературных текстов XVIII столетия. В 1730–1750-е гг. доминирующим образом галломана оказывался щеголь-петиметр, для которого галломания ассоциировалась с предметами «модного лексикона». Образ подобного петиметра можно найти в сатирах А. Кантемира, эпистолах и комедиях А. П. Сумарокова. В 1760–1770-е гг. на смену модной галломании приходит галломания идеологическая, включающая в себя как философию вольтерьянства, так и реакцию на создание в Западной Европе культурного мифа о Восточной Европе, образцом которой была Россия. Данный этап в развитии галломании характеризуется появлением ярко выраженных галлофобских настроений, находящих свое отражение в творчестве Д. И. Фонвизина и Н. И. Новикова. Наконец, третий период галломании в условиях обострившегося военного и политического противостояния России и Франции характеризуется заострением гендерной составляющей, когда носителями галломанского сознания становятся в основном модные женщины и девушки («Модная жена» И. И. Дмитриева, комедии И. А. Крылова), не имеющие соответствующей мужской параллели.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская литература XVIII века; галломания; петиметр; галлофобия; вольтерьянство; культурный миф о Восточной Европе

Ц и т и р о в а н и е: *Приказчикова Е. Е.* Литературные проекции французской культуры в русской словесности XVIII в.: между галломанией и галлофобией // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 1. С. 102–117. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.1.007>

*Поступила в редакцию: 05.03.2021
Принята к печати: 14.01.2022*

Elena Ye. Prikazchikova

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

**LITERARY PROJECTIONS OF FRENCH CULTURE
IN 18th-CENTURY RUSSIAN WRITING:
BETWEEN GALLOMANIA AND GALLOPHOBIA**

Using the example of the literary projections of French culture on the Russian literature of the eighteenth century, this article examines the evolution of Gallomania as the most important phenomenon of Russian noble culture. The aim of the article is to study the main stages of Gallomania in Russian literature from A. Kantemir to I. A. Krylov. An analysis of these stages makes it possible to trace how Russian literature, through ridiculing various types of Russian Gallomaniacs and types of Gallomaniac behaviour, made a decisive turn from Gallomania in its full sense to Gallophobia as an almost complete rejection of French culture and refusal to follow the precepts of Paris in all spheres of life – from politics to fashion.

The main methods used in this work are the methods of cultural-historical, typological, and conception-character analysis of texts. The typology of the image of the Gallomaniac as a “Russian Frenchman”, which received various cultural forms in the 1730s–1750s, 1760s–1770s, and 1790s–1800s, determined various concept-character orientations of literary texts of the eighteenth century. Between the 1730s and 1750s, the dominant image of the Gallomaniac was the petit maître, for whom Gallomania was associated with objects of the “fashionable vocabulary”. The image of such a petit maître can be found in the satires of A. Kantemir, epistles, and comedies of A. P. Sumarokov. In the 1760s–1770s, fashionable Gallomania was replaced by ideological Gallomania, which included both the philosophy of Voltaireanism and the reaction to the creation of a cultural myth about Eastern Europe in Western Europe, of which Russia was an example. This stage in the development of Gallomania is characterised by the emergence of a pronounced Gallophobic mood, which is reflected in the works of D. I. Fonvizin and N. I. Novikov. Finally, the third period of Gallomania in the context of an aggravated military and political confrontation between Russia and France is characterised by accentuating the gender component, when mainly fashionable women and girls (*Fashionable Wife* by I. I. Dmitriev, comedies by I. A. Krylov) became the medium of Gallomaniac mentality, who do not have corresponding male parallels.

Key words: 18th-century Russian literature; Gallomania; petit maître; Gallophobia; Voltaireanism; cultural myth of Eastern Europe

For citation: Prikazchikova, E. Ye. (2022). Literaturnye proektsii frantsuzskoi kul'tury v russkoi slovesnosti XVIII v.: mezhdru gallomaniei i gallofobiei [Literary Projections of French Culture in 18th-Century Russian Writing: Between Gallomania and Gallophobia]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(1), 102–117. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.1.007>

Submitted: 05.03.2021

Accepted: 14.01.2022

Культурная мифология национальных отношений представляет собой один из важнейших культурных мифов русского XVIII в., пришедший на смену эпохе «Лечебника на иноземцев», пронизанного острым ощущением чуждости иноземного (немецкого) мира православному и традициям «старины», предписывающим еще в XVII в. «мыть» рук после общения с «нечистыми» чужеземцами. Уже первые русские путешественники на Запад Петровской эпохи — стольник П. А. Толстой, князь Б. И. Куракин — поражают европейцев любознательностью, остротой ума, способностью к иностранным языкам. Казалось бы начавшийся «диалог культур» не предвещает никаких серьезных осложнений во взаимоотношениях России и Запада, особенно если речь идет о культурном влиянии Франции на Россию в тех областях, в которых русские люди первой половины XVIII в. еще не чувствовали себя достаточно уверенно: сфера моды, светского культурного досуга, достойного настоящего дворянина. Именно в этих сферах культуры зарождается принципиально новый для России тип человека: галломана-петиметра, щеголя, галантома (от франц. *galant homme* 'светский человек'), как его называли в XVIII столетии.

Тип подобного героя не раз становился объектом изучения в гуманитарных науках: в филологии, истории, культурологии и искусствоведении. Можно вспомнить в этой связи работы Л. Бердникова «Вертопрах, говорящий и читающий» [2014], Е. Э. Биржаковой «Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века» [1981], О. Б. Вайнштейн «Денди. Мода, литература, стиль жизни» [2012], И. Куликовой «Тип петиметра в русской комедии XVIII века» [2004], С. А. Саловой «Философствующие щеголь и щеголиха. Трансформации образного топоса в комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» [2014], К. С. Мирутенко «Эволюция типов щеголя и щеголихи в комедийных жанрах русской драматургии и театра II половины XVIII — начала XIX вв.» [2007], А. В. Никитиной «Петиметр: щегольская культура в России второй половины XVIII века» [2010], В. И. Покровского «Щеголи в сатирической литературе XVIII века» [1903], Е. Н. Суслиной «Повседневная жизнь русских щеголей и модниц» [2003], Э. Фукса «Галантный век» [1994], Н. А. Хренова, К. Б. Соколова «Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность)» [2001]. Однако ни в одной из этих работ не была рассмотрена эволюция данного типа в русской литературе XVIII в., что представляется особенно важным в свете того, что к данному образу русские писатели от А. Кантемира до И. А. Крылова обращались на протяжении всего XVIII столетия. Именно поэтому основной целью нашей статьи будет исследование эволюции типа щеголя-петиметра в свете общего искушения галломанией русского дворянского XVIII в. на протяжении всего столетия, названного А. Н. Радищевым столетье «безумно и мудро» [Радищев, с. 423].

Тем не менее, осложнения во взаимоотношениях России и Запада проявляются почти сразу же после смерти Петра I, в сатирах А. Кантемира, где в образах Медора I сатиры и частично Евгения II сатиры зарождается столь ненавистный для русской литературы XVIII в. тип петиметра. Появление этого типа было

провозвестником эпохи галломании, наступление которой в России обычно связывается с эпохой императрицы Елизаветы Петровны. Именно в ее правление французский язык и французская культура повсеместно входят в быт русского дворянства, так что оказавшийся в 1760 г. в петербургском театре 15-летний Д. И. Фонвизин, не знающий в совершенстве французского языка, чувствует себя «белой вороной», вынужденной «отъедаться» от насмешек юных петиметров своими эпиграммами.

В XIX в. российский историк В. О. Ключевский определил литературный тип «петиметра» следующим образом: «великосветский кавалер, воспитанный по-французски», для которого русское «не существовало или существовало только как предмет насмешки и презрения; русский язык он презирал столько же, как и немецкий; о России он ничего не хотел знать» [Ключевский, 2002, т. 1, с. 445–446]. Подобное определение справедливо для эпохи 1760-х гг., эпохи фонвизинского «Бригадира». В 1730–1750-е гг. доминирующим оказывается образ петиметра-модника, для которого Франция и, шире, Европа ассоциируется прежде всего с предметами «модного лексикона», галерею которых представил своим читателям еще А. Кантемир. О. Б. Довгий в монографии «Развернуть старика Кантемира» подробно проанализировала все атрибуты модной культуры сатир, начиная с белил, румян, мушек и кончая модными материями и красными башмаками петиметра [Довгий]. Однако ее опыт микрофилологического анализа не позволяет ответить на вопрос, почему образ петиметра у Кантемира даже в последней редакции сатиры выглядит таким безжизненным по сравнению с мгновенно узнаваемыми типами «дикого помещика» Сильвана с его уверенностью: «землю в четверти делить без Евклида смыслим, сколько копеек в рубле без алгебры счислим» [Кантемир, с. 59] или «румяного» эпикурейца Луки, предпочитающего «мертвым друзьям» книгам возможность «с кубком дни прогулять и ночи» [Там же]. Создается впечатление, что галерея моды, представленная Кантемиром в случае с субкультурой петиметров, просто «вытесняет» человека, лишая его возможности стать узнаваемым типом. Такая черта мифологического мышления, как инкорпоративное мышление (лат. *in corpore* 'в полном составе, в целом'), когда вещь воспринимается как одно целое с человеком, в случае с петиметрами просто не действует. Исключение составляет образ кокетки Сильвии из VII сатиры, которая «белиется, румянится, мушек с двадцать носит» [Там же, с. 162]. У этого образа был конкретный прообраз, княжна Варвара Черкасская, отказавшаяся стать супругой поэта, что стало личной трагедией для так и не женившегося официально до конца своей жизни А. Кантемира. Более того, критикуя модный стиль жизни того же Евгения, автор сатиры, используя несобственно-прямую речь, дает ему модные советы, касающиеся выбора цвета кафтана, его материала и длины / жесткости фалд, что само по себе делает автора причастным к культуре петиметров.

Более удачной оказалась «энциклопедия шегольства», представленная в «Эпистоле г. Елагина к г. Сумарокову» (1753). И. П. Елагин — великий магистр русских масонских лож, исполнявший должность директора российского театра

(1766–1779) после А. П. Сумарокова. Разумеется, в эпистоле были упомянуты все предметы «модного лексикона» XVIII в.: модные уборы, сожженные во время завивки волосы, «благоуханные воды» — духи, облака пудры, мушки, палка-трость, красные каблуки, башмаки с пряжками и чулки со стрелками. Однако помимо этого у Елагина в изображении петиметра присутствовала та динамика, движение, которого так не хватало в рационально-материальном мире кантемировских сатир. Его петиметр перестает быть умозрительным типом, приобретая тот живой характер, который делал его одним из самых запоминающихся типов эпохи Просвещения. Не случайно А. Ф. Строев ставил образ щеголя по важности рядом со знаковой для эпохи фигурой философа, подчеркивая, что «философ — кумир толпы, щеголь — человек толпы» [Строев, с. 64]. Щеголь Елагина проклинает солнечные лучи, которые могут придать плебейский загар его белоснежной коже, «летает» меж пудренными облаками, затверживает фразы из любовно-авантюрных романов Даржанса, со страхом советуется с французским парикмахером-жоликером, по моде ли он сегодня одет, чтобы понравиться «кокеткам бешеным» [Елагин, с. 374]. А главное, петиметр получает право голоса для того, чтобы продемонстрировать свету свой «щегольской жаргон», вроде фразы «Уж ужас, как мила!» [Там же, с. 373].

Жоликер учит петиметра правилам хорошего щегольского тона, «парижскому вкусу», который включает в себя немного дерзости, приятное невежество, дабы не прослыть педантом, легкие танцующие шаги, а главное — непрерывное движение, т. е. ту социальную активность, которую приметил впоследствии Н. М. Карамзин в парижских жителях в «Письмах русского путешественника», отождествив ее с декартовскими вихрями [Карамзин, 1988, с. 299]. Жоликер Елагина дает совет своему русскому ученику, как привлечь к себе внимание в обществе:

Один все говори, кричи, скачи, вертись,
И сколько вымыслишь ты бешенства — бесись!
[Елагин, с. 374]

Для сравнения, подобное поведение представляет прямую противоположность поведению холодного, эксцентричного, но носящего на лице маску равнодушия денди, являющегося не слепым последователем моды, но ее законодателем.

Поведение же петиметра разительно напоминает поведение обезьяны — сравнение, которым не преминули воспользоваться писатели-просветители. Не случайно во время маскарадного шествия «Торжествующая Минерва» 1763 г., посвященного коронации императрицы Екатерины II, можно было увидеть карету, в которую были запряжены петиметры и которой правила обезьяна. Интересно, что у юного щеголя — писателя Н. М. Карамзина было шуточное прозвище Попугай Обезьянин.

Образ петиметра как культурного и социального типа русской жизни очень волновал А. П. Сумарокова, обращавшегося к нему в различных жанрах своего

творчества: сатирах, эпистолах, комедиях. Еще в программной «Эпистоле о стихотворстве» 1748 г. Сумароков писал, продолжая традицию А. Кантемира:

Представь мне щеголя, кто там вздымает нос,
Что мыслит целый век о красоте волос.

[Сумароков, 1957а, с. 121]

Тема «безмозглого Петиметра», у которого «в пустой его главе едина мода», продолжается в сатире «Кто в самой глубине безумства пребывает...» (1759), где главной характеристикой щеголя становится наличие ветра в голове и уверенность в том, что премудрость состоит лишь в одном:

Коль кудри хороши, кафтан по моде шит.

[Сумароков, 1957в, с. 507]

Интересно, что спустя 30 лет в «Фелице» Г. Р. Державина тот факт, что Мурза-Потемкин, «вдруг прельщаяся нарядом», скачет к «портному по кафтан» [Державин, с. 99], просто забывается в ряду других обвинений — от чревоугодия «пребогатых» пиров до утопических политических мечтаний устрашать взглядом Вселенную, — и не вызывает у поэта никаких реальных опасений относительно нравственности героя.

Более очевидные образы галломанов-петиметров присутствуют в комедиях А. П. Сумарокова «Чудовищи» и «Ссора у мужа с женой», в которых они носят одинаковые имена Дюлиж. Кроме того, Сумароков попытался проанализировать мифологический потенциал данного типа, написав комедию «Нарцисс» (1750). В «Нарциссе» выведен герой, как и в греческом мифе очарованный своей красотой настолько, что он ни о чем более не может думать. Он вынужден жениться на Кларисе лишь потому, что не может заключить брак сам с собой. Было бы логично, чтобы подобный герой наделялся чертами петиметра — галломана, так как основная цель петиметра также состоит в том, чтобы сделать себя прекрасным, правда, при помощи модных ухищрений. Тем не менее, Сумароков полностью игнорирует эту связь, превратив своего Нарцисса в некую эмблему самолюбия. Это осуждается всеми без исключения героями комедии, резонирующими по этому поводу. И, прежде всего, прекрасной Кларисой, которая выходит замуж за внешне некрасивого, но добродетельного Октавия. Н. Л. Лаврова в статье «Мотивный комплекс Нарцисса: от мифа к сюжету» имела все основания отмечать демифологизацию нарциссизма, присущую эпохе «рефлективного традиционализма» [Лаврова].

Что касается образа Дюлижа в комедиях А. П. Сумарокова, то он интересен в двух аспектах. Во-первых, это образ предельно шаржированный, памфлетный, представляет собой один из крайних полюсов мира комедийных страстей, призванных, по мнению Сумарокова, «издевкой править нрав» [Сумароков, 1957а, с. 121]. Его антитезой в «Ссоре у мужа с женой» является лубочно русифицированный Фатюй, младший брат крыловского Слюняя, а в «Чудовищах» — не менее

гротескные образы ябедника Хабзея и педанта Критициондиуса. Примечательно, что в сражении за руку прекрасных невест Деламиды и Инфимены каждый из соперников терпит поражение, что указывает на изначальную ущербность данных типажей героев: ябедник, педант, галантом, как характеризует себя Дюлиж из комедии «Ссора у мужа с женой». Во-вторых, Дюлижи Сумарокова уже не просто очарованные модой петиметры, а люди, принципиально стыдящиеся быть русскими. Так, Дюлиж на замечание Фатюя: «...вить ты русский человек», — отвечает: «Ты русской человек, а не я; ежели ты мне эдак вперед скажешь, так я тебе конец шпаги покажу» [Сумароков, 1990а, с. 343]. Он отвергает право Фатюя называть его «братцем» на том основании, что тот не знает ни одного слова по-французски. В первой редакции пьесы Дюлиж даже размышлял о бесполезности существования людей, подобных Фатюю, который «не умеет ни одеться, ни молвить, как должно галантому, ни шпаги пониже спустить, ни о дамских говорить уборах, да думает еще, что это и не надобно» [Там же, с. 472]. Еще дальше идет Дюлиж «Чудовищ», называющий русский язык скаредным и патетически восклицающий: «Я не только не хочу знать русские права, я бы русского и языка знать не хотел. Скаредный язык! <...> Для чего я родился русским! О натура! не стыдно ли тебе, что ты, произведя меня прямым человеком, произвела меня от русского отца?» [Сумароков, 1990в, с. 313].

Эти русофобские выпады галломанов вполне согласуются с лингвистическим пуризмом самого Сумарокова, сетующего на начавшееся забвение в дворянском обществе русского языка. Наиболее отчетливо эта лингвистическая стратегия проявила себя в сатире «О французском языке» (начало 1770-х гг.), направленной против тех,

Кто русско золото французской медью медит, —
Ругает свой язык и по-французски бредит.

[Сумароков, 19576, с. 193]

В данной сатире Сумароков прощается с первым этапом галломании в России, ассоциирующимся почти исключительно с французской модой:

Не в форме истина на свете состоит;
Нас красит вещество, а не по моде вид;
По моде ткут тафты, парчи, обои, штофы,
Однако люди те ткачи, не философы.
А истина нигде еще не знала мод,
Им слепо следует безумный лишь народ.

[Там же, с. 192–193]

По сути, Сумароков провозглашает начало новой идеологической галломании, получившей свое наивысшее развитие в 1760–1770-е гг. и связанной с именами Д. И. Фонвизина и Н. И. Новикова.

С. Б. Рассадин первым высказал мысль о том, что именно Фонвизин в «Бригадире» увидел в галломании не смешную и забавную «болезнь роста» русского

дворянства, которое воспринимает европейскую цивилизацию через французскую кухню и французскую моду, а смертельное заболевание [Рассадин]. Это заболевание российской дворянской субкультуры грозит очень быстро превратить Россию в страну, населенную людьми, стыдящимися своего русского происхождения, для которых Россия — страна варваров и скотов.

На данном этапе предметом не только осмеяния, но и мифологизации становятся не мушки и покррой модного кафтана, но идеи, большая часть которых имеет вольтерьянскую окраску. При этом в России само имя Вольтера стало образцом классического ономамифа (мифа-имени), поэтому то, что русские люди понимали под вольтерьянством, зачастую достаточно далеко отстояло как от учения Вольтера, так и от самой исторической фигуры Франсуа-Мари Аруэ. Данные проекции вольтерьянства, помимо классических представлений о Вольтере как о великом французском драматурге или «ходатае за человеческий род и защитнике угнетенной невинности», как характеризовала Вольтера императрица Екатерина II [Философическая и политическая переписка, с. 18], включали в себя еще культурный миф о Вольтере-безбожнике, «полномочном министре ада», представление о Вольтере как о вожде либертизма, проповеднике безнравственности и свободной любви. Ономамиф Вольтера именно в России оказался тесно связанным с феноменом самоубийства по идейным соображениям, в соответствии с логикой: если Бога нет, то для чего жить. Источник сомнений в данном случае — поэма Вольтера «Об естественном праве». Наконец, уже в последнее десятилетие XVIII в. появляется миф о Вольтере — организаторе Французской революции, следуя которому императрица Екатерина II, ранее заявлявшая в своих эпистолярных письмах, что с 1746 г. не читает никаких книг, кроме книг Вольтера, демонстративно приказала вынести его бюст из своего кабинета. Хотя у Д. И. Фонвизина в «Чистосердечном признании о делах моих и помышлениях» и есть отголоски вольтерьянского либертинажа в сцене с московской девицей, которой он хотел «преподать... физические эксперименты» [Фонвизин, 1959б, с. 89], что прекрасно перекликается с «физическими экспериментами», свидетельницей которых стала Кунигунда в романе Вольтера «Кандид», главной проекцией вольтерьянства у него остается культурный миф о Вольтере-безбожнике. Именно отголоски этого мифа представляют новую составляющую искушения галломанией в России, а вовсе не всем известное заявление Иванушки: «Тело мое родилось в России, это правда: однако дух мой принадлежит короне французской» [Фонвизин, 1989, с. 55]. Как мы видели, нечто подобное говорили еще герои А. П. Сумарокова в самом начале 1750-х гг.

И это не было особым преувеличением. С. Н. Глинка, будущий страстный гонитель всего французского, в своем журнале «Русский вестник», издававшемся в начале XIX в., в ранней юности находился под сильным влиянием французской словесности и французской культуры, в результате чего, по собственному признанию в «Записках», «затеял уверять, будто бы родился во Франции, а не в России» [Глинка, с. 83–84].

Тем не менее, гораздо больший интерес представляет реакция Иванушки на мудрые сентенции представителей старшего поколения. Когда Советник в комедии декларирует в качестве непреложной истины: «Бог сочетает, Человек не разлучает», — Иванушка отвечает: «Разве в России бог в такие дела мешается? По крайней мере во Франции он оставил на людское произволение — любить, изменять, жениться и разводиться» [Фонвизин, 1989, с. 34]. После того как Бригадирша, мать Иванушки, высказывает общепринятую этическую максиму, что человек, побожившись, лгать уже не должен, Иванушка парирует эту максиму так: «Я знавал в Париже, да и здесь, превеликое множество разных людей, которые божбу ни во что не ставят» [Там же, с. 51]. В данном случае перед нами типичное бытовое вольтерьянство, имевшее большие последствия для русской культуры. А. И. Герцен как-то заметил, что «смех Вольтера разрушил больше плача Руссо» [Герцен, с. 89]. По мнению же историка В. О. Ключевского, высказанному в статье «Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени»: «философский смех освобождал... вольтерьянца от законов божеских и человеческих, эмансипировал его дух и плоть» [Ключевский, с. 371].

Идеологические искушения галломании 1770-х гг. вызвали к жизни элементы, которые исследователь XIX в. С. М. Бородин охарактеризовал как «галлофобию» [Бородин]. Данная галлофобия имела несколько направлений.

В случае с Фонвизиным это, безусловно, попытка разрушения культурного мифа о франкоцентричной Западной Европе, существовавшего во второй половине XVIII в. Прямой противоположностью этого мифа стал миф о Восточной Европе, являющийся, по мнению американского слависта Л. Вульфа, порождением так называемой «философской географии» эпохи Просвещения. Вульф обращает внимание на то, что «именно Европа Западная в XVIII веке, в эпоху Просвещения, изобрела Восточную Европу, свою вспомогательную половину» [Вульф, с. 35]. В эпоху Просвещения появился термин «цивилизация», который использовался для характеристики высокого уровня развития Западной Европы. В качестве «полудвойника», «полупротивоположности» Западной Европе, по Вульфу, выступала Восточная Европа. Население Восточной Европы, включая поляков и русских, находилось в условном «сумеречном краю отсталости и варварства» [Там же], где жители бедны, грязно одеты, живут в хижинах, ходят в овчинных шкурах и т. д. И лишь только с помощью Западной Европы они могут выйти на свет истинного Просвещения.

В условиях становления русского национального сознания, подготовленного успехами России на международной арене в 70-е гг. XVIII в., Фонвизин в своих «Письмах из Франции» пытается создать противоположный культурный миф, в соответствии с которым Франция отнюдь не соответствует той роли светоча Просвещения, которую она пытается играть в Европе.

При этом критика Франции ведется сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, это критика французских нравов и обычаев, вызывавших неизменный восторг русских галломанов. Данная критика начинается в связи с нечистотой французских улиц и деревенскими нравами горожан, не видящих

ничего предосудительного в опаливании свињи посреди главной улицы Лиона. И заканчивается она порицанием французской скупости, выражающей себя во французских обеденных обычаях, направленных на минимизирование хозяйских затрат, и искренним удивлением хитрости французских петиметров, не стыдящихся пришивать прекрасные кружевные манжеты к рубашкам, сшитым из грубого полотна, которые Фонвизин презрительно называет «дерюгами», лишь на том основании, что «этого не видно снаружи» [Фонвизин, 1959а, с. 430].

Во-вторых, это сатирическое изображение французских просветителей, кумиров вольтерьянской молодости Фонвизина, вроде Д. Дидро и д'Аламбера, в которых он теперь склонен видеть шарлатанов, которые «народ обманывают за деньги», присовокупляя к сребролюбию «беспримерное тщеславие» [Там же, с. 463].

В-третьих, это жесткая критика Парижа как столицы и центра Западной Европы. В духе этих воззрений Фонвизин даже советует отцам не отпускать в Париж своих сыновей, по крайней мере до тех пор, пока им не исполнится 25 лет. Это необходимо из-за того, что Париж «хотя молодого человека не умерщвляет физически, но делает его навек шалуном и ни к чему не способным, вопреки тому, как его сделала природа и каким бы он мог быть, не ездя во Францию» [Там же, с. 477].

Сам же русский путешественник делает весьма решительный вывод, имея в виду судьбу новых российских Иванушек: «...если кто из молодых моих сограждан, имеющий здравый рассудок, вознегодует, видя в России злоупотребления и неустройства, и начнет в сердце своем от нее отчуждаться, то для обращения его на должную любовь к отечеству нет вернее способа, как скорее послать его во Францию» [Там же, с. 467].

В результате, благодаря Фонвизину в русской литературе XVIII в. создается культурный миф о Париже как о «новом Вавилоне», одновременно несущем в себе черты Содомы и Гоморры, городе-монстре, образ которого будет частично воспроизведен в образе Петербурга XIX в. и Нью-Йорка XX в. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что в результате своего путешествия писатель приходит к следующему выводу: «Я думал сперва, что Франция, по рассказам, земной рай, но ошибся жестоко. Все люди, и славны бубны за горами!» [Там же, с. 423].

Идеологическая составляющая галломании нашла свое отражение в творчестве Н. И. Новикова, посвятившего ей свой скандально известный сатирический журнал «Кошелек» 1774 г. Примечательно, что сам Новиков не владел французским языком. Традиционно к новаторству «Кошелька» относят тот факт, что в нем достается не только галломанам, но и французам, приезжающим в Россию с корыстными целями. Один из отрицательных героев журнала шевалье де Мансонж, который называет Россию «блаженной страной», так как в ней можно жить по принципу: «Обманывай дурака, в том ни греха, ни стыда нет» [Новиков].

Однако дело не только в этом. Именно в «Кошельке» Новикова, на листе 4 появляется идеологическое обоснование галломании, берущее свое начало уже

не в любви к французской моде, но в искреннем презрении к допетровским нравам, к русской старине, когда «Русские Цари в первый день свадьбы своей волосы клеили медом, а на другой день парились в бане вместе с Царицами, и там же обедали; когда все науки заключались в одних святцах <...> когда женились, не выдав невесты своей в глаза; когда все добродетели замыкались в густоте бороды; когда за различное знаменованье... сожигали в срубах, или из особенного благочестия живых закапывали в землю; словом сказать, когда было великое изобилие всех тех добродетелей, кои от просвещенных людей именуется ныне варварством» [Новиков, с. 29–30]. Эта критика русской старины, которая в XIX в. станет отличительной чертой западничества, будет вызывать неприятие не только Н. И. Новикова, но и Н. М. Карамзина, идеализировавшего русскую старину как некий «золотой век» русской жизни в своей повести «Наталья, боярская дочь», где боярин Матвей после сытного обеда спит на широкой дубовой лавке, а не на «вольтеровских креслах», но это не мешает ему быть добродетельным человеком. Сама же Наталья имеет «все свойства благовоспитанной девушки, хотя русские не читали тогда ни Локка “О воспитании”, ни Руссова “Эмиля”... и воспитывали детей своих, как натура воспитывает травки и цветочки» [Карамзин, 1964, с. 626]. Именно Карамзин впоследствии придет к горькому для русских выводу: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр» [Карамзин, 1991, с. 35].

Об этой исторической вине Петра I впоследствии очень много будут говорить русские славянофилы: И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, А. С. Хомяков. Борьба за славянскую старину, когда русские проявляли лучшие качества своей национальной природы — сметливость и образцовое послушание властям, — была характерна и для Екатерины II. Не случайно остроумный князь П. А. Вяземский заявлял уже в XIX в.: «Как странная наша участь. Русский силился сделать из нас немцев, немка хотела переделать нас в русских» [Вяземский, с. 24].

Поэтому истинные причины закрытия журнала «Кошелек» можно искать не только в жалобе французского посла мсье Дюрана на галлофобство журнала, но и в боязни императрицы подобных проповедей «западников» эпохи Просвещения.

После идеологического этапа галломании, в 1790-е гг., отмеченные все нарастающим страхом перед Французской революцией, русская литература, по сути, начинает прощаться с галломанией. Символом этого прощания становится «Плач Моды об изгнании модных и дорогих товаров, писанный сочинителем Переписки мод». Автор «Плача...» Н. Н. Страхов, воспользовавшись разрывом дипломатических отношений между Россией и Францией, в результате чего модные французские товары стали попадать в Россию контрабандою, поспешил иронически проститься с «осужденными дурачествами», долгое время являвшимися «великостию мотов» и «славою вертопрахов» [Страхов, с. 276]. Это произведение — своеобразный реквием по «модной галломании», вызывавшей такое неприятие у поколения А. П. Сумарокова и И. П. Елагина. Единственное

«приращение» проблематики можно увидеть в появлении социальной темы крестьянки-мастерицы, которая во имя французской моды вместо предуготованного природой вступления в брак и занятий сельским трудом, «со славою старелась в девстве за пяльцами и тамбурной иглою» [Страхов, с. 277] и тем самым «приобретала бессмертие» [Там же]. В результате «не размножалось подлое отродье сельских жителей, род человеческий извлекаем был из гнусной простоты и невинности» [Там же]. Можно сказать, что социальная тема, связанная с галломанией в России, — это преимущественно тема дворянского мотовства, жертвами которого становятся невинные поселяне. Из классических текстов русской литературы XVIII в. эта тема поднимается, прежде всего, в комической опере Я. Б. Княжнина «Несчастье от кареты» (1779), где желание помещиков Фирюлиных иметь французскую карету едва не стоит счастья крестьянской паре Лукьяну и Анюте. Однако при помощи советов умного шута Афанасия (Буффона) и двух французских слов им удастся вытащить оставленную в Париже жалость своих господ, благословивших их на брак при условии, что они не будут больше разговаривать на русском языке, а исключительно на французском.

В 90-е гг. XVIII в. и в начале XIX в. заостряется гендерная составляющая галломании. В 40–60-е гг. XVIII в. образы щеголихи и петиметра существуют в российском литературном пространстве абсолютно на равных, что доказывает образ сумароковской Деламиды как парный к образу Дюлижа в сумароковской «Ссоре мужа с женой» или Советницы как парный к образу Иванушки в фонвизинском «Бригадире». Основными качествами щеголихи, кроме пристрастия к французской моде и использования французских слов в разговоре, становится свободный стиль поведения в духе вольтерьянского либертинажа, как его понимали в России. Так, Деламида в «Пустой ссоре» Сумарокова, высмеивая саму идею любви к мужу для дворянки, так как это «посадской бабе прилично» [Сумароков, 1990а, с. 344], говорит своему потенциальному жениху щеголю Дюлижу на его предложение сделать его из одаратера амантом, что было бы пардонабельно: «Пардонабельно любить мужа! ха! ха! ха! ха! Вы ли, полно, это говорите, я б не чаяла, чтоб вы так не резонабельны были» [Там же]. Интересно, что подобный либертинаж в художественной литературе мужские персонажи обычно не демонстрируют. Исключение представляет мемуарная литература, где в «Истории благородной женщины» А. Е. Лабзиной русский ученый-химик и либертин-вольтерьянец А. М. Карамышев прямо советует своей жене завести любовника, чтобы не отстать от моды.

В 90-е гг. XVIII — начале XIX в. в русской литературе все чаще и чаще встречаются сюжеты, где главным носителем «гена» галломании оказывается женщина, в то время как героини-мужчины или противостоят этой пагубной страсти, или становятся ее жертвами. Классическим примером подобных текстов становится сказка «Модная жена» (1791) И. И. Дмитриева, где «Ваничка седой» [Дмитриев, с. 523], имеющий говорящее имя Пролаз, сполна расплачивается за право обладать «модной женой», отправляющей его в поход по модным магазинам, в то время как она принимает у себя в спальне милого

ее сердцу Миловзора. У И. А. Крылова тема женской галломании поднимается по крайней мере в двух комедиях — «Модная лавка» и «Урок дочкам». В первой комедии актуальная для эпохи Наполеоновских войн тема контрабандных французских товаров становится причиной конфликта между галломанкой госпожой Сумбуровой, мечтающей выдать свою дочь Лизу за щеголя и мота Недощетова, и ее разумным мужем, предпочитающим «на версту не подъезжать к французским лавкам» [Крылов, 1946а, с. 488], где царят мадам Каре и мосье Трише, нравственные качества которых оставляют желать лучшего. В комедии «Урок дочкам» русский дворянин Велькаров излечивает своих дочерей Феклу и Лукерью от любви к французскому языку при помощи сметливого русского слуги Семена, играющего в комедии роль французского маркиза-эмигранта. В финале комедии он обещает своим дочерям, что они останутся жить в деревне до тех пор, пока «не бросите вы все вздоры, которыми набила вам голову ваша любезная мадам Григгри; пока не отвыкнете восхищаться всем, что только носит нерусское имя, пока не научитесь скромности, вежливости и кротости <...> и пока в глупом своем чванстве не перестанете морщиться от русского языка!» [Крылов, 1946б, с. 599–600].

Можно сказать, что в этих комедиях И. А. Крылова галломания предстает уже как некая «уходящая натура», а образы женщин-галломанок подвергаются всеобщему осмеянию.

Подобная литературная тенденция символизировала конец галломании как культурного феномена задолго до того, как император Николай I прекратил ее на государственном уровне, запретив своим подданным писать письма на высочайшее имя, используя французский язык. В конце XVIII — начале XIX в. элементы галлофобии приобретают политический характер, символизируя собой военное противостояние России империи Наполеона. В этот период русское дворянство, встретившись с армией Наполеона на полях сражений, осознает ценность национального языка, национальной культуры и национальной истории, знание которых рассматривается теперь как неотъемлемая черта настоящего русского патриота. Именно эта установка, в конечном счете, позволяет появиться «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, трагедии В. А. Озерова, определит пафос споров о языке между «шишковистами» и «карамзинистами». Однако острота поднимаемых в начале XIX в. проблем во многом основана на критическом осмыслении галломании как культурного явления, определившего «лицо» русского XVIII в.

Источники

- Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963.
Глинка С. Н. Записки. М. : Захаров, 2004.
Державин Г. Р. Фелица // Державин Г. Р. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1957. С. 97–104.
Дмитриев И. И. Модная жена // Русская поэзия XVIII века / [вступ. ст., с. 5–61 и сост. Г. Макогоненко] ; [примеч. П. Орлова]. М. : Худож. лит., 1972. С. 521–525.

Елагин И. П. Эпистола г. Елагина к г. Сумарокову (1753) // Поэты XVIII века : в 2 т. / сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана ; вступ. ст. Г. П. Макогоненко [с. 3–72] ; биогр. справки И. З. Сермана. Л. : Сов. писатель [Ленингр. отд-ние], 1972. Т. 1. С. 372–376.

Кантемир А. Собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1956.

Карамзин Н. М. Наталья, боярская дочь // Карамзин Н. М. Избранная проза : в 2 т. М. : Худож. лит., 1964. Т. 1. С. 622–661.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М. : Правда, 1988.

Крылов И. А. Модная лавка // Крылов И. А. Полное собрание сочинений : в 3 т. М. : Гос. изд-во худож. литературы, 1946а. Т. 2. С. 419–488.

Крылов И. А. Урок дочкам // Крылов И. А. Полное собрание сочинений : в 3 т. М. : Гос. изд-во худож. литературы, 1946б. Т. 2. С. 555–600.

Новиков Н. И. Кошелек. Еженедельный журнал. Воспроизведение издания 1774 года. СПб. : Тип. С. Суворина, 1903.

Радищев А. Н. Оснадцатое столетие // Русская поэзия XVIII века / [вступ. ст., с. 5–61 и сост. Г. Макогоненко] ; [примеч. П. Орлова]. М. : Худож. лит., 1972. С. 422–424.

Страхов Н. И. Плач Моды об изгнании модных и дорогих товаров, писанный Сочинителем Переписки Мод // Русская сатирическая проза XVIII века : сборник произведений / сост., авт. вступ. статьи и комментарии Ю. В. Стенник. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 276–280.

Сумароков А. П. Эпистола о стихотворстве. Эпистола II // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1957а. С. 115–129.

Сумароков А. П. О французском языке // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1957б. С. 192–193.

Сумароков А. П. Сатира («Кто в самой глубине безумства пребывает...») // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1957в. С. 506–509.

Сумароков А. П. Пустая ссора // Сумароков А. П. Драматические сочинения. Л. : Искусство : Ленингр. отд-ние, 1990а. С. 334–345.

Сумароков А. П. Пустая ссора. Примечания // Сумароков А. П. Драматические сочинения. Л. : Искусство : Ленингр. отд-ние, 1990б. С. 472–473.

Сумароков А. П. Чудовищи // Сумароков А. П. Драматические сочинения. Л. : Искусство : Ленингр. отд-ние, 1990в. С. 309–333.

Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины Второй с Вольтером, продолжавшаяся с 1763 по 1778 г. : в 2 ч. М., 1802. Ч. 1.

Фонвизин Д. И. Письма из второго заграничного путешествия // Фонвизин Д. И. Собр. соч. : в 2 т. М. ; Л. : Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1959а. Т. 2. С. 412–496.

Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание о делах моих и помышлениях // Фонвизин Д. И. Собр. соч. : в 2 т. М. ; Л. : Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1959б. Т. 2. С. 81–109.

Фонвизин Д. И. Бригадир // Фонвизин Д. И. Драматургия, поэзия, проза. М. : Правда, 1989. С. 31–84.

Исследования

Бердников Л. И. Вертопрах, говорящий и читающий // Новый берег. 2014. № 45. URL: <http://magazines.gorky.media/berreg/2014/45/vertoprah-govoryashhij-i-chitayushhij.html> (дата обращения: 19.02.2021).

Биржакова Е. Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1981. С. 96–129.

Бородин С. М. Галлофобия в нашей литературе прошлого века // Наблюдатель. 1887. № 10. С. 70–85.

Вайнштейн О. Б. Денди. Мода, литература, стиль жизни. М. : Новое литературное обозрение, 2012.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое литературное обозрение, 2003.

Герцен А. И. Письма из Франции и Италии // Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 5.

Довгий О. Л. «Развернуть старика...». Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа. М. : Изд-во Кулагиной, 2012.

Карамзин Н. М. Записки о древней и новой России и ее политических и гражданских отношениях. М. : Наука : Главная редакция восточной литературы, 1991.

Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций : в 3 т. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. Т. 1.

Куликова И. Тип петиметра в русской комедии XVIII века // Русская литература. 2004. № 46(2). С. 1–17. <https://doi.org/10.15388/Litera.2004.2.8196>

Лаерова Л. Н. Мотивный комплекс нарцисса: от мифа к сюжету // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 541–550.

Мирутенко К. С. Эволюция типов щеголя и щеголихи в комедийных жанрах русской драматургии и театра II половины XVIII — начала XIX вв. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.00. М., 2007.

Никитина А. В. Петиметр: щегольская культура в России второй половины XVIII века : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2010.

Покровский В. И. Щеголи в сатирической литературе XVIII века. М. : Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1903.

Рассадин С. Б. Сатиры смелый властелин. Книга о Д. Фонвизине. Л. : Книга, 1985.

Салова С. А. Философствующие щеголь и щеголиха. Трансформации образного топоса в комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» // XVIII век. Топосы и пейзажи / под ред. Н. Т. Пахсарьян. СПб. : Алетей, 2014. С. 255–269.

Строев А. Ф. «Те, кто поправляет Фортуну»: авантюристы Просвещения. М. : Новое литературное обозрение, 1998.

Суслина Е. Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М. : Молодая гвардия, 2003.

Фукс Э. Галантный век. Иллюстрированная история нравов : в 3 т. М. : Республика, 1994. Т. 2.

Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб. : Алетей, 2001.

References

Berdnikov, L. I. (2014). Vertoprakh, govoriashchii i chitaiushchii [A Scatterbrain Speaking and Reading]. *Novyy bereg*, 45. Retrieved from <http://magazines.gorky.media/bereg/2014/45/vertoprakh-govoryashhij-i-chitayushhij.html>

Birzhakova, Ye. E. (1981). Shchegoli i shchegol'skoi zhargon v russkoi komedii XVIII veka [Dandies and Dandy Jargon in 18th-Century Russian Comedy]. In Yu. S. Sorokin (Ed.), *Iazyk russkikh pisatelei XVIII veka* [Language of 18th-Century Russian Writers] (pp. 96–129). Leningrad: Nauka.

Borodin, S. M. (1887). Gallofobiia v nashei literature proshlogo veka [Gallophobia in Our Literature of the Last Century]. *Nablyudatel'*, 10, 70–85.

Dovgiy, O. L. (2012). “Razvernut' starika...”. *Satiry Kantemira kak kod russkoi poezii. Opyt mikrofilologicheskogo analiza* [“To Unfold the Old Man...”. Kantemir's Satires as a Code of Russian Poetry. An Attempt at Micro-philological Analysis]. Moscow: Kulagina Press.

Fuks, E. (1994). *Galantnyi vek. Illiustrovannaia istoriia nravov* [The Gallant Age. Illustrated History of Morals] (Vol. 2). Moscow: Respublica.

Herzen, A. I. (1955). Pis'ma iz Frantsii i Italii [Letter from France and Italy]. In A. I. Herzen, *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. (Vol. 5). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Karamzin, N. M. (1991). *Zapiski o drevnei i novoi Rossii i ee politicheskikh i grazhdanskikh otnosheniakh* [On Ancient and Modern Russia, in Her Political and Civil Relations]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury.

Khrenov, N. A., & Sokolov K. B. (2001). *Khudozhestvennaia zhizn' imperatorskoi Rossii (subkul'tury, kartiny mira, mental'nost')* [Artistic Life of Imperial Russia (Subcultures, Worldviews, Mentality)]. St Petersburg: Aleteia.

Klyuchevsky, V. O. (2002). *Russkaia istoriia: Polnyi kurs lektsii* [Russian History: A Complete Course of Lectures] (Vol. 1). Moscow: AST; Minsk: Harvest.

Kulikova, I. (2004). Tip petimetra v russkoi komedii XVIII veka [The Type of Petit Maître in 18th-Century Russian Comedy]. *Russkaya literatura*, 46(2), 1–17. <https://doi.org/10.15388/Litera.2004.2.8196>

Lavrova, L. N. (2011). Motivnyi kompleks nartsissa: ot mifa k siuzhetu [The Motive Complex of a Narcissist: From Myth to Plot]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta Izvestiya. Gumanitarnyye nauki*, 1, 541–550.

Mirutenko, K. S. (2007). *Evolutsiia tipov shchegolia i shchegolikh v komediinykh zhanrakh russkoi dramaturgii i teatra II poloviny XVIII – nachala XIX vv.* [Evolution of Types of Dandy and Dandies in the Comedy Genres of Russian Drama and Theatre in the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries] (doctoral dissertation abstract). Moscow.

Nikitina, A. V. (2010). *Petimetr: shchegol'skaia kul'tura v Rossii vtoroi poloviny XVIII veka* [Petit Maître: Dandy Culture in Russia in the Second Half of the 18th Century] (doctoral dissertation abstract). Moscow.

Pokrovsky, V. I. (1903). *Shchegoli v satiricheskoi literature XVIII veka* [Dandies in the Satirical Literature of the 18th Century]. Moscow: Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete.

Rassadin, S. B. (1985). *Satiry smelyi vlastelin. Kniga o D. Fonvizine* [The Brave Rule of Satire. A Book about D. Fonvizin]. Leningrad: Kniga.

Salova, S. A. (2014). Filosofstvuiushchie shchegol' i shchegolikh. Transformatsii obraznogo toposa v komedii D. I. Fonvizina “Brigadir” [Philosophising Dandy and Dandizette. Transformations of the Figurative Topos in *The Brigadier-General* Comedy by D. I. Fonvizin]. In N. T. Pakhsaryan (Ed.), *XVIII vek. Toposy i peizazhi* [18th Century. Topos and Landscapes] (pp. 255–269). St Petersburg: Aleteia.

Stroyev, A. F. (1998). “*Te, kto popravliaet Fortunu*”: *avantiuristy Prosveshcheniia* [“Those who correct Fortune”: Adventurers of the Enlightenment]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Suslina, Ye. N. (2003). *Povsednevnaia zhizn' russkikh shchegolei i modnits* [Everyday Life of Russian Dandies and Fashionistas]. Moscow: Molodaia gvardiia.

Weinstein, O. B. (2012). *Dendi. Moda, literatura, stil' zhizni* [Dandy. Fashion, Literature, Lifestyle]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Wolff, L. (2003). *Izobretaiia Vostochnuiu Evropu: Karta tsvivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Приказчикова Елена Евгеньевна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
Уральский государственный университет
620002, Екатеринбург, ул. Мира 19
E-mail: miegata-logos@yandex.ru

Prikazchikova, Elena Yevgenievna

Dr. Hab (Philology), Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
19, Mira Str., 620002 Ekaterinburg, Russia
Email: miegata-logos@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9018-6213>